

Г. С. ФИЛАТОВ\*

## ИТАЛЬЯНСКИЙ ФАШИЗМ И ЕГО КРАХ

### ПАДЕНИЕ НЕОФАШИСТСКОЙ «РЕСПУБЛИКИ САЛО»

#### РЕСТАВРАЦИЯ ФАШИЗМА В СЕВЕРНОЙ ИТАЛИИ

Еще весной 1943 г. Гитлер и его окружение предвидели возможность отпадения Италии от фашистского блока. Однако они не предполагали, что выход Италии из войны будет сопровождаться столь скандальным крахом фашистского режима. Последствия событий в стране в июле 1943 г. выходили за рамки военных проблем и приобретали политический характер. Речь шла не только о потере главного союзника, но и о провале однопартийного режима, что могло вызвать крайне нежелательный отклик как в самой Германии, так и среди стран-сателлитов.

10 сентября Гитлер выступил по радио, чтобы объяснить происшедшее. В своей речи он обвинил в «предательстве» кучку монархистов и аристократов». Под конец он угрожающе заявил, что «меры, принятые для защиты германских интересов в Италии, являются очень жесткими... Они уже осуществляются методически и эффективно»<sup>1</sup>.

Для того, чтобы действия Италии не послужили примером для других союзников Германии, гитлеровцы стремились дать наглядный урок тем, кто мог подумать об этом. Объясняя намерения Гитлера, Геббельс писал в дневнике: «Фюрер твердо решил превратить Италию в выжженную пустыню»<sup>2</sup>. В секретном распоряжении Гитлер назначил в Италию «полномочного представителя» и поставил под его контроль всю оккупированную территорию. Им стал Ранн, бывший послом при правительстве Бадольо. В военном отношении Италия была превращена в оперативную зону, командование над которой поручалось фельдмаршалу Кессельрингу. Бывшие территории габсбургской монархии в Северной Италии — Альто Адидже и Южная Каринтия перешли под контроль немецкой гражданской администрации, и в эти провинции были назначены гитлеровские гауляйтеры; ответственным за внутренний порядок и безопасность в Италии был назначен эсэсовский генерал Вольф. Наряду с этими военно-административными мерами Гитлер намеревался восстановить в Италии фашистский строй.

Когда германская армия заканчивала разоружение итальянских дивизий, группа парашютистов-эсэсовцев под командованием О. Скорцени осуществила давно подготовленный план похищения Муссолини. 12 сентября Муссолини, содержавшийся под арестом в горной местности Гран Сассо, услышал гул моторов: на каменистом плоскогорье вокруг дома приземлялись самолеты и планеры. Из них выскочили немецкие парашютисты и бегом кинулись к зданию. Во главе группы был итальянский генерал, в котором охранявшие Муссолини карабинеры узнали своего начальника Солети. Он размахивал руками и призывал не открывать огонь. В этом не было особой надобности, так как полицейский Гвели, находившийся неотлучно при Муссолини, еще до этого

\* Окончание. Начало см. в № 1, 2 нашего журнала за 1972 г.

<sup>1</sup> F. W. Deakin. Storia della repubblica di Salò. Torino, 1963, p. 525.

<sup>2</sup> Ibidem.

приказал не оказывать сопротивления. Через несколько минут карабинеры уже дружно выпивали с парашютистами, пока Муссолини собирал свои пожитки. Бывшего дуче поспешно погрузили на двухместный самолет, чуть ли не на плечи ему взгромоздился рослый Скорцени; нырнув вниз с плоскогорья, самолет с трудом выровнялся и взял курс на немецкую базу в Пратика дель Маре около Рима. Там Муссолини ждал другой самолет, который немедленно направился в Германию<sup>3</sup>.

Нацистская пропаганда подняла в связи с «освобождением» Муссолини шумную кампанию, превознося готовность Гитлера прийти на помощь союзнику при любых обстоятельствах. В действительности эта операция была осуществлена лишь после того, как территория Италии была захвачена гитлеровской армией. Ведь в то время как эсэсовцы, прибывшие на планерах, приближались к зданию гостиницы, где содержался Муссолини, с другой стороны к ней подъезжали немецкие солдаты, беспрепятственно приехавшие из Рима на грузовиках. Вместо рискованного и неудобного полета на перегруженном самолете гораздо проще было доставить Муссолини на тех же грузовиках на ближайший аэродром. Но в этом случае померкла бы «операция Скорцени», проведенная по личному приказу Гитлера.

Когда Муссолини прибыл в Восточную Пруссию, там уже находились бежавшие в Германию сразу же после переворота 25 июля его бывшие приспешники. Все они горели жаждой мщения и были неприятно удивлены, когда Муссолини стал колебаться и даже признался, что желает оставить политическую деятельность. Но настроение и слова Муссолини мало что значили в то время. Он был таким же пленником немцев, как и оказавшийся в Германии Чиано, и его судьба была целиком в руках Гитлера. При встрече с Муссолини Гитлер внешне был очень приветлив. Однако стоило им остаться в узком кругу, как он дал волю своему недовольству. «Что это за фашизм, который тает, как снег под лучами солнца? — вопрошал он удрученного «дуче». — На протяжении многих лет я заверял своих генералов, что фашизм является самым надежным нашим союзником. После того, как мы выиграем войну, Италия будет восстановлена в своих правах. Самое же главное заключается в том, чтобы фашизм в Италии возродился и совершил суд над теми, кто его предал». Задачи были сформулированы ясно и категорично, и Муссолини принялся за их осуществление.

18 сентября Муссолини выступил по радио из Мюнхена с демагогическими призывами. Он заявил, что в Италии будет восстановлен фашистский режим и создано антимонархическое правительство. Он заклинал, как можно скорее взяться за оружие на стороне Германии, возродить фашистскую милицию, ликвидировать «предателей», «уничтожить паразитическую plutократию» и т. д.<sup>4</sup>. Он обещал даже «сбить спесь» с буржуазии и клятвенно заверил, что отныне будет опираться на неимущие классы. «Я отдам предприятия рабочим, землю — крестьянам», — вопил он демагогически<sup>5</sup>. Эти лживые выкрики отражали только отчаянное положение фашистского главаря. Паволини, назначенный «временным» секретарем фашистской партии, напрасно заверял Муссолини, что у него имеется список из 40 человек, которые охотно вошли бы в правительство: только трое из этого списка согласились связать свою судьбу с возрождаемым фашизмом. Остальные скрывались или находили всяческие предлоги для отказа.

В новое правительство вошли карьеристы, опекаемые Паволини и поддерживаемые гитлеровцами. На ключевой пост министра внутренних дел был назначен ненавистный бывшему дуче Буффарини Гуиди, поскольку его поддерживал начальник гитлеровской разведки в Италии Дольман. Видное положение в «республике» занял Фариначчи, который во время заседания Большого фашистского совета 25 июля 1943 г. внес резолюцию (она собрала один голос), предлагавшую полное подчинение итальянской армии немцам. Пост военного министра согласился занять маршал Грациани. К моменту краха фашизма он находился под следствием за военное поражение в Африке, но был известен как смертельный враг Бадольо. Всеми переговорами о создании нового правительства в Риме руководил представитель Германии Ранн. 23 сентября формирования

<sup>3</sup> O. Scorzeny. Missions secrets. Paris, 1950, p. 102.

<sup>4</sup> F. W. Deakin. Op. cit., p. 557.

<sup>5</sup> Р. Батталья. История итальянского движения Сопротивления. М., 1953, стр. 169.

правительства было закончено, и помощник Ранна так комментировал происшедшее: «Создание нового республиканского фашистского правительства Паволини было трагикомедией, полной отвратительных интриг и тайного соперничества»<sup>6</sup>. В этот же день Муссолини вылетел в Италию в сопровождении генерала СС Вольфа. Немцы водворили его в Гарньяно — небольшом местечке в Северной Италии, недалеко от курорта Сало (на озере Гарда), где расположилось большинство министерств новой марионеточной «республики», часто называемой по имени этого городка.

Марионеточная «республика» была лишена самых необходимых атрибутов суверенного государства. Сразу же после 8 сентября гитлеровцы наложили руки на золотой запас Италии, который правительство Бадольо не позаботилось вывезти из Рима. Не довольствуясь этим, немецкие власти выпустили оккупационные марки. Муссолини пытался протестовать, но Ранн цинично отвечал, что «поскольку Италия освободилась от значительной части своих военных расходов», Германия должна получать от нее «взнос на военные нужды, способный покрыть расходы немецкой армии в Италии»<sup>7</sup>. Гитлеровцы требовали, чтобы Муссолини взял на содержание их армию в Италии, раз он оказался не в состоянии сохранить свою собственную. Было решено, что гитлеровские власти прекратят выпуск оккупационных марок, а итальянская сторона будет ежемесячно выплачивать на содержание гитлеровской армии 7 млрд. лир. Это была колоссальная сумма: до выхода Италии из войны она тратила на военные цели лишь немногим больше 8 млрд. лир<sup>8</sup>. Если при этом учесть, что немецкие власти объявили материалы, найденные на итальянских военных складах, своей собственностью и установили полный контроль над итальянской промышленностью, то станет ясным, сколь тяжким было бремя, возложенное Гитлером на своего бывшего союзника.

Первоначально Муссолини было разрешено для поддержания внутреннего порядка сформировать «национальную республиканскую гвардию». В то время как секретарь партии Паволини начал вербовку «гвардейцев» среди всяких отбросов общества, гитлеровцы стали создавать под своим непосредственным командованием подразделения «итальянских СС». Наряду с подготовкой карательных войск, Муссолини решил «обновить» фашизм с помощью самой беспардонной социальной демагогии. В своих первых выступлениях он даже обещал в ближайшем будущем созвать учредительное собрание. Однако эти лживые демагогические заявления уже никого не могли обмануть. Население открыто высказывало свою враждебность к фашизму. Поэтому решено было заменить учредительное собрание съездом неофашистской партии.

Документ, который должен был одобрить съезд, получил громкое название «Веронской хартии». Это была весьма путаная, сумбурная и противоречивая резолюция. Окончательный вариант «хартии» был просмотрен Муссолини и подвергнут цензуре Ранна. «Хартия» состояла из 18 пунктов и содержала множество обещаний, выполнение которых обуславливалось «созывом учредительного собрания». В ней объявлялось уничтожение монархического строя, установление права контроля и критики органов государственной власти, права избрания главы государства сроком на 5 лет «всеми гражданами», декларировались «необходимость жизненного пространства» для 45 млн. итальянцев и создание «европейского сообщества наций» в форме федерации. В пунктах, касавшихся социальной политики, повторялись демагогические фразы<sup>9</sup>. За всеми этими лицемерными декларациями крылся все же отказ от попыток возродить в прежнем виде «корпоративный строй», который в 30-х годах объявлялся «основой фашистского государства».

Муссолини не присутствовал на съезде в Вероне, состоявшемся в октябре, и главную роль играл там Паволини. Во время дискуссии выявилось полное отсутствие у фашистов каких-либо конструктивных целей. Выступавшие занимались главным образом взаимными обвинениями: особенно досталось молодому поколению фашистов, «не оправдавшему надежд», и представителям армии, которая «на 90% не заслуживает доверия». Беспорядочные прения были неожиданно прерваны сообщением, что только что назначенный федеральный секретарь Феррары убит партизанами. «Делегаты съезда»

<sup>6</sup> F. W. Deakin. Op. cit., p. 550.

<sup>7</sup> Ibid., p. 563.

<sup>8</sup> R. Zangrandi. 1943; 25 luglio — 8 settembre. Milano, 1964, p. 753.

<sup>9</sup> F. W. Deakin. Op. cit., p. 616—617.

устремилась в Феррару, намереваясь устроить в этом городе «варфоломеевскую ночь». Во время погрома они убили 17 человек и искалечили десятки жителей. Так закончилось это сборище.

Главарь «республики Сало» с первых же шагов стремились расправиться с колесавшимися. Положение Муссолини осложнялось тем, что в числе главных обвиняемых должен был фигурировать его зять. Одним из первых декретов новое правительство восстановило особый трибунал, распущенный еще в правление Бадольо. Аналогичные трибуналы были созданы в каждой провинции. Именно они должны были расправляться со всеми, кто принимал участие в перевороте 25 июля или выказал «недостаток фашистской твердости». Из 19 членов Большого фашистского совета, которые голосовали 25 июля за резолюцию Гранди, удалось схватить только шестерых — остальные бежали за границу, как Гранди и Боттаи, или скрывались в Италии. Главным обвиняемым был Чиано, который под охраной эсэсовцев был доставлен в Италию и заключен в тюрьму. Процесс над ними происходил в Вероне в январе 1944 г. в том самом дворце Скалигеров, где незадолго до этого состоялся съезд фашистской партии. Несмотря на то, что в отношении большинства обвиняемых невозможно было доказать, что они вступили в сговор с монархией или Бадольо и даже вообще что-либо знали о готовившемся перевороте до 25 июля, исход процесса был ясен заранее. В лице Чиано и других Муссолини намеревался расправиться с теми, на кого хотел свалить ответственность за банкротство фашистского режима и собственные неудачи. Нужно было доказать свою решимость и поднять свои акции у Гитлера. Пятеро из шести обвиняемых были приговорены к расстрелу.

Веронский процесс подкрепил веру Гитлера в то, что его бывший партнер еще способен принести некоторую пользу. Однако если «фюрер» был доволен расправой над «пораженцами», то среди итальянцев веронский процесс оставил самое тягостное впечатление. Все понимали, что фашизм был восстановлен по воле Гитлера и воскресший из небытия Муссолини является лишь марионеткой в его руках. Лишь ничтожная часть итальянцев была введена в заблуждение последним приливом социальной демагогии Муссолини.

## НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА ИТАЛЬЯНСКОГО НАРОДА

Гитлеровская оккупация Италии глубоко потрясла жизнь страны. Большая часть населения не знала, что ожидает его в ближайшем будущем. Многие семьи были лишены домашнего очага, повсюду бродили солдаты распавшейся армии, пробираясь домой и пытаясь избежать отправки в Германию. В этих условиях «начало Сопротивления» не было ни простым, ни легким делом, — пишет один из партизанских руководителей, коммунист П. Секкья. — Италия не была страной, как это любят представлять некоторые, где в момент немецкого нашествия все население выступило с оружием в руках против иностранных захватчиков и фашистских предателей. Не было никакой стихийной силы, которая побудила бы всех соревноваться в записи в партизанские отряды<sup>10</sup>. Много людей оказалось в альпийских долинах и в предгорьях Апеннин после 8 сентября — вместе с солдатами были и те, кто решил переждать тяжелые времена в расчете на скорый приход англо-американцев. Но изо всей этой массы в первые десять дней после перемирия не более 1 500 могли быть названы партизанами: две трети из них — в Северной Италии, главным образом в Пьемонте<sup>11</sup>. Это были антифашисты, для которых партизанское движение было новым и решительным этапом в их борьбе против диктатуры. Некоторые из них недавно вернулись из ссылки или прибыли из эмиграции, другие были членами антифашистских групп, возникших за последние годы в Италии. Им не нужно было дожидаться приказов сверху, чтобы начать действовать, так как весь ход событий мобилизовал их на выполнение долга в соответствии со своими политическими убеждениями. Наряду с «политическими» отрядами имелись многочисленные формирования, называвшие себя «независимыми». Как правило, они состояли из солдат и офицеров распавшейся армии. Ими командовали майоры и полковники, кото-

<sup>10</sup> «Movimento di Liberazione in Italia». Milano, 1959, № 55, p. 61.

<sup>11</sup> G. B o c c a. Storia dell'Italia partigiana. Bari, 1966, p. 34.

рые стремились не допустить «политики» в ряды своих подчиненных и заявляли о своей верности королю. Если ушедшие в горы антифашисты в лучшем случае имели винтовки, а чаще всего довольствовались пистолетами, то старшие офицеры захватывали с армейских складов вооружение и нередко кроме пулеметов увозили в горы артиллерию.

Далеко не все отряды, находившиеся в горах в сентябре 1943 г., выдержали трудности борьбы, которая оказалась более длительной и жестокой, чем они предполагали. Понадобилось не только время, но и настойчивые усилия антифашистских партий для создания из этих разрозненных формирований мощной армии Сопротивления.

Наиболее решительно встала на путь организации вооруженной борьбы коммунистическая партия. Ее руководство в Северной Италии, которое возглавлял Луиджи Лонго, открыто выступило против выжидания и пассивности. «Почему мы должны действовать немедленно» — так называлась статья в подпольной газете компартии «*La nostra lotta*» («Наша борьба»), в которой говорилось, что, только действуя решительно, не ожидая освобождения от англичан и американцев, можно сократить сроки войны и избавить народ от страданий. «Если благодаря борьбе итальянского народа против немцев удастся сократить продолжительность войны на три месяца или хотя бы на один только месяц, это будет итогом огромного значения... Будет спасена жизнь десятков тысяч мирных жителей и солдат, сотни деревень и городов будут спасены от огня, ограбления и разрушения». Необходимо также действовать потому, продолжала газета, что «только в зависимости от того, насколько активно итальянский народ будет участвовать в борьбе за изгнание немцев из Италии, за поражение итальянского и германского фашизма, можно будет действительно завоевать себе независимость и свободу». Наконец, необходимо действовать немедленно и решительно «для того, чтобы укрепились и развивались в ходе борьбы наша организация. Неверно, что раньше нужно организоваться, а затем действовать, что если мы начнем действовать раньше, то мы будем разгромлены. Если наши организации не начнут действовать, они в скором времени зачахнут, развалятся, а затем окончательно распадутся. Борьба же, напротив, будет лучшей школой для этих военных организаций; приобретая опыт, они закалятся в борьбе, окрепнут и разовьются»<sup>12</sup>.

20 сентября 1943 г. в Милане было создано военное командование партизанскими отрядами Коммунистической партии, названными именем национального героя Гарибальди. Командующим гарибальдийскими отрядами стал Л. Лонго<sup>13</sup>. Компартия считала, что гарибальдийские бригады не могут быть придатком партии, а должны стать самостоятельной организацией, с собственным командованием и структурой. Единственным условием вступления в них было искреннее намерение сражаться с фашизмом.

Для того чтобы развернуть борьбу в городах, гарибальдийское командование стало создавать боевые группы патристического действия (ГАП). Эти диверсионные группы состояли из трех-четырех человек, они были изолированы друг от друга и объединялись командованием ГАП города или района. В группы патристического действия отбирались бойцы отчаянной храбрости, как правило, совсем молодые люди. «Гаписты были смелыми, выдержанными бойцами, убежденными в том, что враг должен быть уничтожен, — писал командир ГАП в Турине Д. Пеше. — Они показали, что мелкие группы, разбросанные в разных районах города, даже если они и плохо вооружены, могут наносить врагу чувствительные удары»<sup>14</sup>.

Коммунисты внесли наибольший вклад в организацию партизанского движения осенью 1943 г. Второе место по количеству созданных отрядов занимала леворадикальная «Партия действия». Социалистическая партия в осенние месяцы 1943 г. не сумела развить активную деятельность; позднее, используя опыт коммунистов, она стала создавать боевые группы, присвоив им имя Маттеотти. Католики и либералы сначала не принимали участия в сопротивлении, так как они противились самой идее вооруженной борьбы, пытались ограничить деятельность патриотов небольшими разведыва-

<sup>12</sup> Р. Батталья. Указ. соч., стр. 222.

<sup>13</sup> P. Secchia, F. Frassati. Storia della Resistenza, vol. I. Roma, 1965, p. 203.

<sup>14</sup> Д. Пеше. Солдаты без формы. М., 1959, стр. 150.

тельными и диверсионными группами под руководством англичан и американцев. Позднее, опасаясь усиления левых партий, христианские демократы стали налаживать связи с «независимыми» отрядами, которые стали называться «Фьямми верди» («Зеленое пламя»).

В то время как военная организация движения Сопротивления переживала период становления, сопровождаемый неизбежными ошибками и потерями, гораздо быстрее были организованы его политические органы — Комитеты национального освобождения. В большинстве случаев они образовались на основе комитетов оппозиционных партий, существовавших в период 45 дней правления Бадольо. Главенствующее положение формально занимал римский Комитет национального освобождения, однако его связи с Северной Италией, где находился центр борьбы, были весьма затрудненными; кроме того, господствующее положение в нем буржуазных партий далеко не соответствовало реальной расстановке сил в рядах патриотов. Все это приводило к тому, что действительным политическим руководителем партизанской армии стал миланский комитет, принявший в дальнейшем название Комитет национального освобождения Северной Италии (КНОСИ).

Коммунистическая партия Италии считала, что для того, чтобы придать борьбе общенародный размах, необходимо сочетать вооруженную борьбу с широкими выступлениями трудящихся. Сделать это было гораздо труднее, чем создать группы патриотического действия и партизанские отряды, потому что большинство партий КНО не поддерживало идею массовой борьбы. Выдвигая лозунг сочетания вооруженной борьбы с движением против хозяев-коллорабационистов, за экономические права, коммунисты твердо верили в поддержку народа. Эту уверенность они черпали в отпоре, который давали рабочие Северной Италии неонацистской республике. Уже в октябре 1943 г. на оккупированной гитлеровцами территории начались отдельные забастовки, а в ноябре в некоторых городах (например, в Турине) движение захватило одновременно несколько предприятий<sup>15</sup>.

В начале весны 1944 г. компартия выдвинула задачу проведения всеобщей забастовки, которая рассматривалась как «генеральная репетиция национального восстания»<sup>16</sup>. Условия для проведения такого массового выступления были налицо. С одной стороны, в Италию все более отчетливо доносились отзвуки все нараставшего наступления Советской Армии, в самой Италии ожидалось возобновление продвижения англо-американских армий, прерванного на зимний период. С другой стороны, те небольшие уступки, которые были вырваны у предпринимателей в результате предыдущих забастовок, были быстро сведены на нет головокружительным ростом цен и материальное положение рабочих, так же как и всех трудящихся, было весьма тяжелым. По расчетам официальной печати, итальянская семья тратила в то время 100 лир на приобретение продуктов по карточкам и 700—800 лир для покупки на черном рынке недостающего<sup>17</sup>. Жилищные условия непрерывно ухудшались. В результате англо-американских «то-тальных» бомбардировок к концу 1943 г. в Турине было разрушено и повреждено 10 000 домов из 23 000, в Милане 200 тыс. человек не имели жилья. Примерно таким же было положение в других крупных городах<sup>18</sup>. Многие предприятия работали с перерывами, тысячи молодых людей постоянно испытывали угрозу принудительной отправки в Германию. Все это создавало предпосылки для того, чтобы на борьбу поднялись самые широкие массы населения.

К забастовке готовились и фашистские власти. Принимавшиеся меры были двойного рода: с одной стороны, на предприятиях было объявлено, что в случае волнений все, кто примет в них участие, будут отправлены в Германию, а с другой — владельцам предприятий предписывалось в конце февраля закрыть заводы под предлогом нехватки энергии. Однако ничто уже не могло остановить наступление масс.

Забастовка началась 1 марта и вызвала панику в рядах фашистов. Узнав о забастовке, Гитлер приказал вывезти в Германию и направить на принудительные работы

<sup>15</sup> P. S e c c h i a. I comunisti e l'insurrezione nazionale. Roma, 1954, p. 70—71.

<sup>16</sup> L. L o n g o. Sulla via dell'insurrezione. Roma, 1954, p. 82.

<sup>17</sup> G. B o s s a. Op. cit., p. 162.

<sup>18</sup> Ibid., p. 159.

не менее 20% забастовщиков<sup>19</sup>. Через день начались массовые аресты, обыски и репрессии: всем этим занимались гитлеровцы, в то время как итальянские фашисты, напуганные размахом движения, почти нигде не посмели открыто выступить.

В истории Италии не было столь массового движения, подобного мартовской забастовке 1944 г. В ней участвовало около 1 млн. рабочих, поддержанных самыми различными слоями населения. 20 тыс. партизан и членов групп патриотического действия помогали бастовавшим. Забастовка свидетельствовала, что рабочий класс уверенно возглавил освободительное движение. Если в период подготовки выступления только Социалистическая партия и «Партия действия» одобрили инициативу коммунистов, то в ходе самой забастовки патриотический подъем населения заставил все остальные партии изменить позицию. Миланский КНО и комитеты других городов примкнули к движению и выступили с обращениями, в которых солидаризировались с борьбой рабочих.

Так же как мартовская забастовка 1943 г. послужила прелюдией к падению Муссолини, движение в марте 1944 г. открыло дорогу народной национально-освободительной войне. Партизанское движение особенно усилилось в летние месяцы 1944 г., когда англо-американские войска, заняв в июне Рим, продвигались на Север. Партизанская армия к тому времени превратилась в грозную силу. Если в феврале — марте этого года в партизанских отрядах Северной Италии насчитывалось 20—25 тыс. человек, то в июне их численность возросла уже до 50—60 тыс., а к осени превысила 100 тыс. человек<sup>20</sup>. П. Тольятти отмечал в то время, что военные операции партизанской армии, переплетаясь с забастовками и антифашистскими выступлениями масс, тем самым готовили и осуществляли всенародное освободительное восстание<sup>21</sup>.

Партизанская армия прочно взяла в свои руки инициативу. Наступление шло по всему фронту: крупные сражения перемежались стычками, засадами, налетами на склады и мелкие гарнизоны фашистов. В центре всей этой деятельности находились итальянские коммунисты. Генерал Кадорна, посланный летом 1944 г. на оккупированную территорию для того, чтобы встать во главе партизанских сил, сообщал англо-американскому главному штабу, что «ведущей силой движения является Итальянская коммунистическая партия», и писал далее: «Следует отметить, что коммунисты являются единственной партией, которая ведет борьбу во всеоружии, располагая тыловым хозяйством, организационными центрами, мастерскими, типографиями, умелыми и надежными связными. Коммунисты наиболее решительно ведут борьбу против немцев и фашистов: они неуклонно выступают против всяких соглашений и компромиссов с противником»<sup>22</sup>.

Фашисты пытались ослабить размах освободительного движения массовым террором и жестоко расправлялись с мирным населением. Приказы гитлеровских оккупантов и местных фашистских властей следовали один за другим. Весной 1944 г. Муссолини издал декрет о предании смертной казни всех, кто оказывал какую-либо помощь партизанам. В августе того же года Кессельринг приказал расстреливать заложников при каждом действии партизан, сжигать дома и кварталы, вблизи которых было произведено нападение на немецких солдат<sup>23</sup>. Гитлеровское командование создало специальные «центры по борьбе с партизанами», имевшие в своем распоряжении значительное количество воинских частей. Несмотря на то, что в карательных походах фашистские войска, как правило, поддерживались артиллерией, танками и самолетами, им не удавалось разбить партизан.

26 августа англо-американские войска начали наступление на так называемую «Готскую линию» обороны, созданную немцами на Апеннинском хребте. Призывы, с которыми союзное командование обращалось к итальянским патриотам, давали все основания предполагать, что речь идет о генеральном наступлении. Вскоре объединенный штаб англо-американских войск объявил, что «Готская линия» прорвана на всем протяжении от перевалов через Апеннины до Адриатического моря. Однако, спустив-

<sup>19</sup> Ibid., p. 237.

<sup>20</sup> Р. Батталья. Указ. соч., стр. 357; G. Bossa. Op. cit., p. 389.

<sup>21</sup> P. Togliatti (Ercoli). Avanti, verso la democrazia. Mosca, 1945, p. 28.

<sup>22</sup> R. Cadorna. La Riscossa. Milano, 1948, p. 181.

<sup>23</sup> R. Carli-Ballola. Storia della Resistenza. Roma, 1957, p. 168.



шись с гор и выйдя на равнину По, англо-американские войска замедлили свое продвижение, а затем окончательно остановились.

Прекращение наступательных операций мотивировалось большими потерями и ослаблением союзнических армий в результате переброски трех английских дивизий в Грецию. Однако итальянские партизаны в то время рассматривали эту остановку как доказательство нежелания англо-американского командования поддержать усилия патриотов, как акт, направленный против национально-освободительного движения. Англо-американское командование продолжало сохранять перевес над немецкими дивизиями, находившимися в Италии, особенно в боевой технике. Благоприятные возможности были созданы действиями партизан, которые оттянули на себя значительные силы гитлеровцев. Кроме того, союзническое командование могло послать на фронт сформированные на освобожденной территории итальянские воинские части, однако оно предпочитало держать их в тылу.

Внезапная остановка продвижения союзников поставила партизан в очень тяжелое положение. Она дала возможность гитлеровцам в начале зимы снять с фронта несколько дивизий и обрушить на партизанскую армию ряд сильных ударов. В истории освободительной войны наступил новый этап — от развернутой атаки по всему фронту партизаны вынуждены были временно перейти к обороне.

Летом 1944 г. во время отступления гитлеровцев из Центральной Италии патчность власти фашизма стала особенно ясной. Паволини, который был послан Муссолини в прифронтовые провинции, сообщал, что при приближении союзников фашистские органы власти практически самоликвидировались. «Повсюду, — писал он, — карабинеры скрывались, причем почти всегда с оружием, что гораздо серьезнее, чем республиканской гвардии также разбегалась. То же самое можно сказать и об армейских частях»<sup>24</sup>. Положение в фашистских организациях северных областей было не лучше того, что творилось в прифронтовых районах. В конце июня руководство фашистской партии произвело обследование организаций Пьемонта. В представленном отчете говорилось, что фашистские организации Турина «охвачены отчаянием и не обладают никаким боевым пылом». В партийных организациях провинции числилось 11 тыс. фашистов, однако на последние партийные собрания явилось только 500 человек, из них 100 полицейских агентов. Автор отчета писал, что «положение фашизма в Турине является крайне неблагоприятным, фашистам не хватает решительности, идей и мужества». Партизаны могут занять Турин, когда они того захотят, — к такому печальному выводу приходили представители руководства фашистской партии<sup>25</sup>. Эти сообщения побудили Муссолини назначить в четырех областях, которые еще оставались у него, — Эмилии-Романье, Пьемонте, Лигурии и Венето чрезвычайных областных комиссаров. Им были подчинены все местные власти и полицейские силы. Одновременно 21 июня все члены фашистской партии объявлялись мобилизованными и были зачислены в «черные бригады», «готовые к выступлению по первому приказу». Партийное руководство переименовывалось в главный штаб «черных бригад», а партийные руководители на местах становились командирами частей и подразделений<sup>26</sup>. Практически ядро «черных бригад» составили фашисты, бежавшие из занятых англо-американцами областей.

Остановка англо-американского наступления осенью 1944 г. означала некоторую отсрочку гибели «республики Сало». Муссолини начал писать мемуары, стремясь реабилитировать себя перед историей. Писал он в привычной манере, упоминая о себе в третьем лице и прибегая к апологетике собственной персоны, к самой бесстыдной фальсификации. Муссолини отрицал, что существовали внутренние причины падения фашистского режима<sup>27</sup>.

Прикрываясь прозрачным псевдонимом, Муссолини публиковал в эти дни многочисленные статьи, заполненные социальной демагогией, и твердил о предстоящей якобы «социализации». Но единственной реальной стороной жизни «республики» была отчаянная борьба против движения Сопротивления.

<sup>24</sup> F. W. Deakin. Op. cit., p. 679.

<sup>25</sup> Ibid., p. 688.

<sup>26</sup> Ibid., p. 681—683.

<sup>27</sup> «Storia di un anno». — «Opera omnia di B. Mussolini», vol. XXXIV, p. 367.



Отношение руководителей Германии к своему незадачливому союзнику все ухудшалось. Новые свидетельства слабости марионеточной республики вызывали раздражение. Посол «республики Сало» в Берлине подчеркивал, что в отношении прочности «социальной республики» невозможно строить никаких иллюзий. На попытки Муссолини завести разговор о возвращении Италии провинций Тироля и Венето Ранн высокомерно отвечал, что, по его мнению, «население и фашисты этих провинций не выказывают избыточного энтузиазма служить делу социальной республики»<sup>28</sup>. Настояния немцев были одной из причин, которые побудили Муссолини покинуть озеро Гарда и выступить перед миланскими фашистами с большой речью. Это выступление, состоявшееся 16 декабря 1944 г. в театре Лирико, оказалось его последней публичной речью. Обстановка митинга мало напоминала те времена, когда Муссолини обращался со своего балкона к «океанской толпе» в Риме. Тем не менее его тон был весьма претенциозным. Вначале Муссолини выпустил обычный заряд социальной демагогии и обрушил его на короля, Бадольо, массонов и «плутократические круги». Он намекал на возможность раскола в лагере противников Германии и упрекал Черчилля в непонимании «общих интересов западного мира». «Однажды, — заявил Муссолини, — советский посол в Риме сказал: «Первая мировая война большевизировала Россию, вторая большевизирует Европу». Это предсказание не сбудется, но если бы это случилось, то ответственность за это легла бы в первую очередь на Великобританию». Главным козырем в руках «оси», по словам Муссолини, было секретное оружие, которое скоро вступит в действие и «коренным образом изменит ход военных действий»<sup>29</sup>. Пропагандистские выдумки Муссолини не могли поправить плачевного положения «республики». В середине января на заседании совета министров было решено послать для переговоров с Ранном делегацию высших правительственных чинов во главе с Грациани и Паволини. Эта делегация заявила, что она хочет «решительного выяснения отношений, поскольку через 15 месяцев после создания и торжественного признания республиканского правительства невозможно опровергнуть впечатление, что территория республики, ее люди и материальные ценности продолжают рассматриваться как военные трофеи»<sup>30</sup>. «Выяснение отношений» на высшем уровне подтвердило, что сотрудничество сторон становилось невозможным. Пытаясь шантажировать немцев, Муссолини решил продолжать «социализацию», несмотря на их протесты. В январе 1945 г. были национализированы четыре промышленных предприятия — это было не так уж много. Но одновременно на свет появилось министерство труда, которое должно было «регулировать деятельность в этом направлении». Новый министр Спинелли направился в Турин, для того чтобы изучить возможности «социализации» заводов Фиат. Он доложил Муссолини, что результаты визита «не были обнадеживающими».

Последним мероприятием в этой области правительственной деятельности Муссолини было увольнение с поста министра внутренних дел Буффарини Гуиди, которого не без оснований подозревали в том, что он служит одним из информаторов гитлеровцев. Это окончательно испортило отношение между «дуче» и немецкими властями: Вольф открыто высказывал опасения, что удаление Буффарини даст возможность итальянцам «осуществить очередное предательство». Однако сам глава немецких СС в Италии в это время уже вел секретные переговоры с Алленом Даллесом о капитуляции. Приближение катастрофы заставляло каждого из бывших союзников думать только о себе.

---

<sup>28</sup> F. W. Deakin. Op. cit., p. 721.

<sup>29</sup> F. W. Deakin. Op. cit., p. 724—725.

<sup>30</sup> Ibid., p. 726—728.

Уже в январе 1945 г. кратковременный период спада движения Сопротивления сменился новым подъемом. Это совпало с началом мощного наступления Советской Армии на широком фронте от Балтийского моря до Карпат, в ходе которого советские войска взломали оборону гитлеровцев и открыли себе дорогу на Берлин.

В течение февраля и марта 1945 г., т. е. в то время, когда англо-американские армии еще не двинулись с зимних позиций, партизанское движение развивалось уже полным ходом. «Грандиозные успехи советского зимнего наступления создали условия для скорейшего освобождения нашей страны» <sup>31</sup>, — писала в феврале 1942 г. нелегальная газета компартии «La nostra lotta».

Ряды партизанской армии быстро росли: если в начале марта, по расчетам главного командования, в Корпусе добровольцев свободы было 80 тыс. бойцов, то к середине апреля их число возросло до 130 тыс. Но противостоявшие им силы были более многочисленны и гораздо лучше вооружены: около 9 немецких дивизий по 10 тыс. человек в каждой, 4 итальянские дивизии общей численностью 30—35 тыс. человек и фашистские формирования — «черные бригады», «республиканская гвардия» и другие, которые насчитывали более 100 тыс. человек, — в итоге около 220 тыс. человек <sup>32</sup>.

Однако весной 1945 г. все эти формирования уже не имели решающего значения. В рядах итальянских фашистов царил паника. Дезертирство из армии и полиции, бегство чиновников стали массовыми. Призывы в армию и в «черные бригады» приводили лишь к тому, что молодежь уходила к партизанам. Популярный партизанский командир Чино Москателли рассказывал: «Когда объявлялся набор, то деревенский старшина, как это водится по традиции, собирал призывников. Начинались танцы и веселье, а затем молодые люди, провожаемые всей деревней, направлялись к нам в горы. Приказ фашистов часто «соблюдался» по всем пунктам — призывники являлись с запасом продуктов на одни сутки» <sup>33</sup>. В деревнях шутили, что Москателли собирается потребовать от Муссолини прекращения призывов, так как он уже не знает, куда девать столько новобранцев.

Фашисты лихорадочно искали пути спасения. Понимая, что переговоры с представителями патриотов не дадут никаких результатов, Муссолини попытался договориться с англо-американским командованием. Через посредство миланского кардинала Шустера он обратился в штаб союзников с письмом, в котором предлагал объединить силы англо-американской армии и фашистов для совместной борьбы против «опасности большевизма». Муссолини просил сообщить, какова будет судьба «членов правительства и руководящих деятелей социальной республики», и пытался в последний раз пустить в ход карту антикоммунизма. Он выражал полную готовность отказаться от «социальных и идеологических завоеваний республики», которые он так часто провозглашал, и свести ее роль к чисто полицейским функциям <sup>34</sup>. Англо-американское командование в то время уже вело переговоры с главой эсэсовцев в Италии Вольфом и не ответило на предложения Муссолини.

События стремительно нарастали. Один из руководителей гарибальдийских бригад — И. Бусетто писал о событиях тех дней: «Историки будущего потратят много времени, сидя над пожелтевшими от времени бумагами, чтобы установить точный день и час начала восстания. В душе народа сейчас запечатлена дата 25 апреля. Однако это было не днем начала восстания, а моментом, когда весь итальянский народ поднялся против гитлеровцев и их сообщников. В действительности восстание началось значительно раньше» <sup>35</sup>. 19 апреля партизанское командование Эмилип-Романьи, во главе которого стоял коммунист Баронтини, отдало приказ о наступлении всеми силами на Болонью. После кровопролитного сражения город был освобожден.

Утром 24 апреля командование партизанскими силами приняло решение о начале всеобщей забастовки и восстания по всей Северной Италии. Радиостанция «Свободный Милан» передала воззвание Комитета национального освобождения Северной Италии:

<sup>31</sup> P. Secchia. Op. cit., p. 371.

<sup>32</sup> G. Bocca. Op. cit., p. 571.

<sup>33</sup> «L'Unita», 10.VI.1945.

<sup>34</sup> F. Catalano. Storia del CLNAI. Bari, 1956, p. 386—387.

<sup>35</sup> I. Busetto. Brigate Garibaldi. Milano, 1955, p. 183.

«Патриоты Севера! Советская армия вошла в Берлин, центр нацистского империализма... КНО Северной Италии призывает вас восстать во всех городах и провинциях, чтобы изгнать захватчиков и фашистских изменников и заложить основы новой демократии, которая будет выражать интересы народа»<sup>36</sup>.

Итальянский народ вступил в решительную схватку с врагом. 25 апреля все фабрики Милана были заняты рабочими. Городской транспорт и железнодорожный узел прекратили работу. В 10 часов вечера передача фашистской сводки по миланскому радио внезапно прервалась и взволнованный голос произнес в микрофон: «Вся территория от Милана до швейцарской границы освобождена патриотами!».

Народное восстание в Северной Италии увенчалось полным успехом. 27 апреля руководители коммунистической партии в Северной Италии Л. Лонго, П. Секкья и Дж. Амэндола в телеграмме на имя П. Тольятти сообщили: «Северная Италия освобождена всеобщим народным восстанием. Все наши товарищи и организации в полном единстве с антифашистскими силами были во главе борьбы. Повсюду власть находится в руках народа, руководимого комитетами национального освобождения»<sup>37</sup>. Решительное наступление партизанских и патриотических сил было повсеместно поддержано населением, принимавшим активное участие в боевых действиях. Это дало возможность быстро покончить с «республикой Сало» и очистить Северную Италию от гитлеровцев до прихода англо-американских войск.

Как и следовало ожидать, марионеточная фашистская республика развалилась под ударами патриотов, а ее главари попали в руки восставшего народа. Муссолини был задержан партизанами местечка Донго, недалеко от озера Комо. 28 апреля он, так же как и большинство из его приспешников, искавших спасения в бегстве, были казнены<sup>38</sup>. На следующий день Комитет национального освобождения опубликовал сообщение о казни Муссолини и фашистских министров, в котором говорилось: «Комитет национального освобождения Северной Италии заявляет, что расстрел Муссолини и его приспешников, произведенный по приказу Комитета, представляет собой необходимое завершение исторического этапа... Итальянский народ не смог бы начать свободной и нормальной жизни, в которой фашизм отказывал ему 20 лет, если бы Комитет национального освобождения своевременно не продемонстрировал свою железную волю привести в исполнение приговор, уже вынесенный историей»<sup>39</sup>.

Так закончилось апрельское восстание 1945 г., которое увенчало почти двухлетнюю вооруженную борьбу итальянского народа. В военном отношении вклад итальянских патриотов в общую победу трудно переоценить. В итоговом докладе английского управления специальных служб в Италии отмечалось, что 125 городов и населенных пунктов Центральной и Северной Италии были освобождены итальянскими партизанами до прихода англо-американских войск<sup>40</sup>.

Несмотря на настояния англо-американского штаба, чтобы капитуляцию немецких войск принимали только союзные офицеры, большая часть немецких соединений была вынуждена сдаться в руки восставшего народа. Сам немецкий командующий фон Фитингоф не решился приехать в главную ставку союзников для подписания официального акта о капитуляции, так как боялся попасть в руки партизан. От его имени капитуляцию 29 апреля подписали два полковника, прибывшие в штаб англо-американских войск через Швейцарию. Внезапность, с которой патриоты обрушили свои удары на гитлеровцев, воспрепятствовала осуществлению плана разрушения итальянских городов и промышленных предприятий, разработанного немецким командованием. Основная часть промышленного потенциала Северной Италии, транспортные сооружения, объекты городского хозяйства и линии связи были спасены.

<sup>36</sup> «L'Unita», 26.IV.1945.

<sup>37</sup> «Per la libertà e l'indipendenza d'Italia». Roma, 1946, p. 282.

<sup>38</sup> Подробно об обстоятельствах поимки и казни Муссолини см. Г. С. Ф и л а т о в. Последние дни Муссолини.—«Новая и новейшая история», 1965, № 2, 3.

<sup>39</sup> «L'Unita», 19.III.1947.

<sup>40</sup> «MLI», 1949, № 3, p. 9.

## ОСОБЕННОСТИ ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА

Восстание 25 апреля положило конец попытке искусственного воскрешения в Италии фашизма с помощью гитлеровских штыков. В то же время оно явилось завершением массовой борьбы итальянского народа против режима Муссолини, начавшейся весной 1943 г. За два года эта борьба прошла путь от частичных выступлений и забастовок до всеобщей стачки и вооруженного восстания, а руководившие ею политические силы стали играть решающую роль в жизни страны.

Диктатура Муссолини пала в результате разгрома армий фашистского блока и революционного подъема в стране.

Не выдерживают критики попытки бывших деятелей фашистского режима и самого Муссолини объяснить причины собственных неудач только военными поражениями и «предательством» монархии. Попытки подобного рода предпринимались и предпринимаются с главной целью доказать мнимую «жизненность» фашистской идеологии и социальной практики. В действительности итальянский фашизм оказался банкротом, и не только в области военной политики, но и во всех важнейших областях внутренней жизни страны. Итальянский фашизм, порождение монополистического и финансового капитала, сыграл роль защитника классовых интересов самых реакционных и агрессивных сил буржуазии. Контрреволюционная направленность и обеспечила фашизму активную поддержку всех групп правящего класса и значительной части мелкой буржуазии. Функцию террористического подавления революции, особенно на первых порах, итальянский фашизм выполнял прежде всего средствами террора. Широкая социальная демагогия облегчала ему власть над массами. Этой же цели служили создание массовой фашистской партии, контролировавшей многочисленные организации, и превращение профсоюзов в государственную корпоративную систему. В области экономики определились тенденции к государственно-монополистическому регулированию производства. Наиболее типичной реализацией этой тенденции в Италии было создание после мирового экономического кризиса в 1929 г. полугосударственных концернов и автаркических трестов. Фашисты, открыто призывавшие к территориальной агрессии, ставили своей задачей обеспечить крупной буржуазии новые сферы для приложения капитала.

Для того, чтобы развеять в прах все иллюзии в области внешней политики, понадобилось военное поражение. Во внутренней же политике слабость итальянского фашизма выявилась значительно ранее. Признаки его разложения можно обнаружить уже с середины 30-х годов, и к началу второй мировой войны этот процесс достиг значительных масштабов. Только этим можно объяснить сравнительную легкость, с которой фашистский режим стал разваливаться в результате военных неудач.

Разумеется, «корпоративное государство» никакой «революции» в отношениях между трудом и капиталом не представляло. Корпоративные органы, управлявшиеся доверенными лицами крупного капитала, функционировали только в той мере, которая была выгодна промышленникам и крупным землевладельцам.

В самой фашистской партии перед войной выявилось несколько оппозиционных направлений. Группы фашистов-«ревизионистов» возникли главным образом в университетской среде. Молодые люди видели разрыв между словами и деяниями фашистского режима, в частности, противоречие между его «антибуржуазной» демагогией и служением крупной буржуазии. Наряду с «ревизионистами» существовала оппозиция «старой гвардии», видевшей выход из затруднений в возврате к идеям 20-х годов. Сближение с гитлеровской Германией породило новую оппозицию в лице буржуазных групп, боявшихся слишком «смелых» захватнических планов Муссолини. Милитаризация итальянского хозяйства не ограничивалась простым расширением военных отраслей производства, а приняла характер автаркической кампании, призванной приспособить все хозяйство Италии к специфическим нуждам войны. Социальная политика фашизма также была нацелена на войну. В предвоенные годы массовые организации подверглись централизации, а все содержание их работы было подчинено задаче превращения итальянцев из «нации мандолинистов» в «нацию воинов». Усиление полицейского режима, создание новых органов тайной полиции для подавления оппозиции также следует рассматривать как одну из важных мер для укрепления «внутреннего фронта» во время войны.

Идеологическая и пропагандистская подготовка к войне проводилась совершенно открыто. На первый план был выдвинут миф о фашистской Италии — наследнице «великой Римской империи», призванной занять ее место в современном мире. Новое звучание приобрел старый лозунг о фашизме как оплоте борьбы против «коммунистической опасности». Если в начале 20-х годов он был обращен против революционного движения в самой Италии, то теперь ему придавали международное звучание.

Наконец, в области внешней политики сближение с гитлеровской Германией говорило о том, что Италия намерена играть активную роль в развязывании второй мировой войны. Не ограничиваясь военным союзом, итальянский фашизм во многом копировал у гитлеровцев идеологические установки, которые были призваны обосновать претензии фашистских государств на руководство Европой и всем миром.

Вступая в войну, Муссолини заявил, что он делает это не для того, чтобы помочь Гитлеру, а для того, чтобы добиться собственных целей. Стратегия «параллельной войны» отражала требования итальянских империалистов вести войну, соревнуясь с гитлеровским союзником. В период «неучастия» союз с Германией помогал итальянским промышленникам использовать благоприятную конъюнктуру и наживаться на военных поставках ее противникам.

Итальянские буржуазные историки пытаются доказать, что неумение Муссолини рассчитать свои силы, стремление к слишком широким захватническим целям и распыление армии по многочисленным фронтам явились чуть ли не главной причиной поражения Италии. Не меньший упор эти авторы делают на неподготовленность и техническую отсталость итальянской армии. Но если судить о готовности итальянских вооруженных сил не по словам фашистской пропаганды, а соотнести ее с силой противника, то картина будет выглядеть иначе. Ни в Восточных Альпах, ни в Африке, не говоря уже о Греции, противники Италии не обладали превосходством в численном или техническом отношении. Тем не менее нигде итальянской армии не удалось добиться побед. Причины этого следует искать в значительной мере в нежелании итальянских солдат воевать за чуждые им захватнические цели, проливать кровь в войне, которую Муссолини называл фашистской.

Среди итальянской правящей верхушки в то время никто не помышлял всерьез противиться планам Муссолини. Только уверенностью в полной поддержке правящего класса можно объяснить ту безрассудность и поспешность, которую проявил Муссолини, присоединяясь к походу против СССР. После войны мало кто из представителей итальянского правящего класса не осуждал Муссолини за этот шаг. Между тем в июне 1941 г. никто не высказывал вслух своего сомнения.

Влияние событий на советско-германском фронте на положение на Средиземном море было огромно. После неудачи в Греции стало ясно, что итальянская армия не в состоянии обойтись без непосредственной помощи Германии. Между тем эта помощь, по мере роста затруднений гитлеровцев на Востоке, все более сокращалась. Легко проследить, как на всех этапах, начиная от провала «похода на Египет» и до «битвы за Сицилию», действия Советской Армии не давали гитлеровцам возможности ответить на призывы Муссолини о помощи. Оставшись один на один со своими противниками на Средиземном море, фашистская Италия была обречена на поражение.

Решающая роль в войне Советского Союза вселила надежды в сердца итальянских антифашистов. С конца 1941 г. начали активизироваться политические группы, находившиеся в эмиграции. «Соппротивление, оказанное армией и народами Советского Союза гитлеровской агрессии, — писал П. Тольятти, — первая победа при обороне Москвы, последующая зимняя кампания, а затем великая победоносная Сталинградская битва — поставили по-новому вопрос о Советском государстве, о его международной роли, его мощи, а следовательно, и вопрос о коммунизме»<sup>41</sup>.

Развал фашистской армии сопровождался резким обострением положения в стране. Мартовские забастовки 1943 г. в Северной Италии создали в стране совершенно новую политическую атмосферу. Многочисленные свидетельства представителей правящей верхушки говорят о том, что выступления рабочего класса побудили деятелей оппозиции поторопиться с осуществлением своих планов. Монархическим заговорщи-

<sup>41</sup> «Тридцать лет жизни и борьбы Итальянской коммунистической партии». М., 1953, стр. 370.

кам, которые подготовили свержение Муссолини, удалось осуществить 25 июля 1943 г. «дворцовый переворот», отклонив сотрудничество левых антифашистов. Смещением Муссолини итальянские правящие круги стремились получить свободу рук для выхода из войны и предотвратить революционный взрыв, угроза которого ощущалась все определеннее.

События, последовавшие за переворотом 25 июля, опрокинули эти расчеты. История 45 дней пребывания у власти военно-монархического правительства Бадольо — это история постепенного отступления правящих групп под напором трудящихся масс и антифашистских сил. Враждебность народа фашизму проявлялась повсеместно и столь энергично, что правительство было вынуждено принимать все более решительные меры по уничтожению фашизма. Ликвидация фашистского режима, не входившая в расчеты участников военно-монархического переворота, происходила при непосредственном участии народных сил. Но за этим последовала оккупация страны гитлеровцами. Расчет на то, что Муссолини облегчит задачу германских оккупационных властей, побудил Гитлера создать марионеточное правительство.

Попытка реставрировать фашизм с помощью гитлеровских штыков вызвала вооруженное сопротивление итальянского народа, которое переросло в национально-освободительную войну. Ее значение в истории Италии XX в. столь велико, что для обозначения итальянского Сопротивления общеупотребительным стал термин «второе Рисорджименто». Разумеется, этот термин, подчеркивая сопоставимость двух исторических событий по масштабам, не означает их тождественности. В наиболее общих чертах разница между ними заключается в том, что в период Сопротивления социально-политические мотивы были выражены гораздо ярче, чем во время движения за объединение Италии в XIX в. В ходе этой войны патриоты не только демонстрировали свою волю добиться освобождения и окончательно покончить с фашистским режимом, но и стремление установить в Италии новый демократический строй, который не был бы повторением режима дофашистской Италии.

Итальянское движение Сопротивления составляли силы, которые вдохновлялись различными политическими и социальными идеалами. Передовая сила антифашистского фронта — Итальянская коммунистическая партия выдвигала в качестве цели установление прогрессивной демократии. Объясняя содержание этого понятия, П. Тольятти говорил в 1944 г., что прогрессивная демократия должна будет уничтожить остатки феодализма в стране, лишить возможности плутократические группы взять власть в свои руки, разгромить реакционные группы и создать «правительство народа и для народа». Движение Сопротивления не сумело добиться осуществления задач, которые ставили перед собой его передовые представители. Однако достигнутые им результаты в демократизации итальянской жизни были весьма значительными. Самыми важными завоеваниями национально-освободительной войны явились установление республиканского строя и утверждение демократической конституции. Весьма существенные изменения произошли также в социально-политической структуре итальянского общества: среди политически активного населения резко повысился удельный вес социалистических сил. Ведущее положение среди них заняла массовая коммунистическая партия.

Крах фашизма и движение Сопротивления нанесли такой удар руководящим группам правящего класса, что они были вынуждены долгое время маневрировать, прежде чем добились относительной политической стабилизации. Значительную помощь в этом им оказала католическая церковь, выдвинувшая в авангард антисоциалистических сил христианско-демократическую партию. Крайние правые партии долгое время были исключены из национальной жизни. Лишь в 50-х годах сумела заявить о себе замаскированная неофашистская партия — Итальянское социальное движение.

Хотя в историческом плане фашизм, как попытка сил крайней реакции разрешить противоречия капиталистического общества террористическими методами, доказал свою несостоятельность, это не умаляет опасности его рецидивов. В условиях обострения классовой борьбы не исключаются попытки империалистических сил прибегнуть к крайним средствам и попытаться вернуться к фашистскому образу правления. Главным препятствием на пути реакции является рабочий класс, стремление масс к демократии, их способность противодействовать возрождению фашизма.